

Alma mater

Продолжаем начатую в № 3 (47) публикацию материалов, посвященных 80-летию Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории.

Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Irina TAYMANOVA A Lifelong Song

In the article I. E. Taymanova (Honoured Worker of the Arts Industry of the Russian Federation, Professor of the St. Petersburg Conservatory and producer) tells about Secondary Special Music School.

Keywords: I. E. Taymanova, the Taymanovs, L. I. Zelichman, V. A. Gavrilin, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the 1950s, the 1960s.

Ирина ТАЙМАНОВА Песня длиною в жизнь

О школе-десятилетке рассказывает Ирина Евгеньевна Тайманова — Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, режиссер-постановщик, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Ключевые слова: И. Е. Тайманова, семья Таймановых, Л. И. Зелихман, В. А. Гаврилин, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, 1950–1960-е годы.

Музыкальная школа-десятилетка Ленинградской консерватории... Это название я слышала с детства. Вначале в школу пришли ученики из Хорового училища при Капелле, как и мой старший брат Марк Тайманов, — и я помню тех, кто был рядом с ним. Это поколение талантливейших людей, которые стали гордостью российского искусства. Впрочем, и Марк Евгеньевич уже в детстве, в школе стал лауреатом конкурса юных пианистов (а учился он у Самария Ильича Савшинского, основателя группы для одаренных детей, выросшей потом в десятилетку). Там же воспитывалась и его будущая жена, Любовь Брук, с которой Самарий Ильич соединил Марка в фортепианном дуэте (позднее этот дуэт Марта Аргерих, а также фирма Philips назвали лучшим фортепианным дуэтом XX века). Интересно, что, будучи пианистом, мой брат в детстве сыграл роль мальчика-скрипача в фильме «Концерт Бетховена» с музыкой Дунаевского (в 1937 году). Как же надо было хорошо преподавать в этой школе, что его, пианиста, за полгода научили играть на скрипке сложнейшую каденцию Дунаевского к концерту Бетховена, пусть даже за кадром потом его озвучивал выдающийся скрипач Мирон Полякин!

Однако я соприкоснулась со школой еще раньше: мой отец был главным инженером в Ленинградской консерватории, а впоследствии известным театральным инженером и архитектором. Именно он отвечал за техническое снабжение эвакуации Консерватории и школы во время войны в Ташкент. Мама была талантливой пианисткой и певицей, но ради семьи оставила карьеру, не оставив музыку: все трое детей пошли учиться в нашу замечательную школу. Тогда было непростое время: по стране волной шли аресты и репрессии, но одновременно с этим страна заботилась о хорошем образовании, и по всему Союзу искали музыкально одаренных детей. Со мной в классе учились замечательные ребята — из Якутии, Узбекистана, Таджикистана; многие из них потом возглавили композиторские и исполнительские школы в своих родных республиках.

Я не случайно вспомнила про фильм «Концерт Бетховена», так как в нем снимались и другие ученики десятилетки — например, сын писателя А. Н. Толстого Митя Толстой, впоследствии известный советский композитор. В одно время с моим братом учились такие чудесные скрипачи, как Михаил Вайман, Борис Гутников, дирижер Марк Эрмлер и многие другие. Я не могу перечислить

всех, но прекрасно осознаю, что это было поколение исключительно одаренных людей. В то время пост ректора Консерватории занимал Павел Алексеевич Серебряков, очень талантливый человек, вынужденный жить в условиях советского государства. Я бы назвала жизненный путь Серебрякова фугой, темой в которой был его талант, а противосложением — обязанность приспособляться к строю, в котором он жил. Серебряков тогда в эвакуации возглавлял всех приехавших консерваторцев и учеников школы. Помнить этого я не могу, так как во время войны была грудным ребенком и перенесла полтора года блокады в Ленинграде. Можно представить себе, насколько жизнь в солнечном Узбекистане, где вокруг были ароматы дынь и арбузов, оказалась непохожей на военную обстановку заснеженного Ленинграда.

Следующим в школу пришел мой брат Роальд, в будущем известный изобретатель, в том числе в области музыки, потому что кроме проблем космоса, подводных лодок и атомных станций он занимается воздействием музыки на человеческий мозг. Это значит, что и в нем, учившемся в десятилетке на скрипке у Дмитрия Андреевича Румшевича, школьные годы оставили глубокий след, так что он захотел заниматься музыкой как физик. Вот и совсем недавно он с женой Оксаной Сапожниковой выступал на очередном форуме в Италии по проблемам взаимодействия музыки и человеческой психики.

После второго брата пришла моя очередь приобщения к школе. Я поступила туда в 1947 году в подготовительный класс. Этот период я помню смутно, но хорошо помню ощущение счастья, когда мама покупала мне новые ноты, которые тогда продавали в гардеробе нашей школы. Затем я недолгое время училась у Александры Яковлевны Жуковской, ассистентки Савшинского, но потом меня перевели в другой класс, поскольку Александра Яковлевна в то время часто болела и не могла заниматься с учениками постоянно. Моим педагогом стала изумительная пианистка, которая впоследствии воспитала Григория Липмановича Соколова, — Лия Ильинична Зелихман. Занятия с ней были наслаждением. Я играла «Венский карнавал» или «Бабочек» Шумана, и во мне все пело. Я чувствовала тогда, что именно Лия Ильинична влюбила меня в музыку. Причем она была не только моей любимейшей учительницей, но и — задолго до моего поступления в школу, еще до начала войны — молочной матерью, так как у моей мамы не хватало молока (дочь Лии Ильиничны Кира — моя молочная сестра). Я запомнила Лию Ильиничну цветущей красавицей, мудрым и справедливым педагогом, которым гордилась вся школа. Вообще атмосфера в школе была очень дружелюбная. Вместе с Л. И. Зелихман работали Татьяна Борисовна Румшевич, Клара Ефимовна Столяр, Валентина Яковлевна Кунде, Мария Иосифовна Меклер.

Я обучалась в классе, где были дети разных национальностей и разных социальных групп. Со мной учились, например, Владимир Устименко, будущий руководитель цыганского ансамбля и замечательный скрипач-виртуоз, пианистка Алиса Мищенко. Вместе с Алисой мы выпускались с концертом фа минор Шопена. Также у нас были замечательные педагоги по физике, по литературе, по другим предметам. О физике Юлии Ароновиче все вспоминают как о камертоне порядочности. Мама скрипача Марка Комиссарова — Софья Исаковна — преподавала химию, достаточно требовательно, но очень интересно. Моя мама организовала в школе балетную группу, где преподавали лучшие педагоги из училища имени А. Я. Вагановой. Здесь надо уточнить, что наша семья многие годы жила прямо в интернате школы: нам после войны дали там три огромные комнаты, одну из которых мама превратила в балетный зал. Так в школе организовывались балетные вечера, я тоже принимала в них участие, танцевала и «Умиряющего лебедя» под музыку Сен-Санса, и «Сентиментальный вальс» Чайковского, и его «Времена года», «Куклы» Лядова. У нас были дивные учителя по литературе. Никто не может забыть Нелли Наумовну Наумову, муж которой написал одну из интереснейших биографий Маяковского и другие работы о нем. Это был такой уровень культуры и интеллигентности, который сейчас редок. Не раз я мысленно благодарю Маргариту Сергеевну Гейнрихс, педагога по немецкому языку, которая так хорошо меня ему научила, что я до сих пор говорю на нем свободно. В школе преподавали потрясающие учителя и по сольфеджио и гармонии, например, мама композитора Кнайфеля — Муза Вениаминовна Шапиро-Кнайфель, которая вела у нас все теоретические предметы. Она была просто уникальным педагогом. Учебной частью заведовала Елизавета Мартыновна — во многом благодаря ей в школе в мое время царил железный порядок.

Сейчас принято довольно презрительно говорить о пионерах, комсомольцах. Но мне кажется, что та гордость, которую мы испытывали, когда нам повязывали красный шелковый галстук, и то чувство достоинства, приходящее в момент вручения комсомольского значка, только помогали нам творчески относиться к жизни.

Я была пионервожатой — сначала в классе, в котором учились приехавший из Латвии Марис Янсонс и Давид Голощекин, раздражавший своими увлечениями Елизавету Мартыновну, потому что на всех переменах он играл джаз (за это его впоследствии временно исключили из школы). В этом же классе учились скрипач Владимир Спиваков, хоровой дирижер Виктор Никитин, скрипач Григорий Жислин. Было приятно, что весь отряд считал меня самой красивой пионервожатой. Когда мы собирались, то спорили о литературе, о театре, я рассказывала им о балете, водила на спектакли. Это была настоящая, живая жизнь, и никто из тогдашних пионеров и комсомольцев, по-моему, теперь не стыдится, что носил тогда красный галстук или комсомольский значок.

О многих своих подопечных я позже снимала телепередачи, со многими мы в дружеских отношениях и поныне, как, например, с Давидом Голощекиным или Владимиром Спиваковым. Просто поменялись декорации жизни: я стала не только пианисткой, но также окончила в Консерватории режиссерский факультет и на этот же факультет потом приглашала некоторых учеников школы-десятилетки. Например, пианистку Дарью де Консейсао, которая получила на выпускном школьном экзамене четверку с плюсом, а я увидела в ней фантазию и режиссерские способности. Она четыре года ходила ко мне вольнослушателем, потом блестяще окончила режиссерский факультет, а сейчас завершает обучение в аспирантуре ГИТИСа. Таким образом, российское искусство пополнилось несколькими режиссерами, которые начинали как музыканты других специальностей (например, Юрий Александров, возглавляющий ныне камерный музыкальный театр «Санкт-Петербург Опера»), а также дирижерами, среди которых Михаил Голиков, а из моего поколения — альтисты Юрий Симонов и Юрий Темирканов. Рядом со мной вырастали удивительные музыканты. Многие из них потом связали свою жизнь с Европой и уехали за границу, но если наша школа дает толчок к тому, чтобы ее воспитанники получили признание во всем мире, то это одно из ее достоинств. Приблизительно на третьем курсе Консерватории я пришла в десятилетку работать концертмейстером, и это еще одна сторона моего пребывания в школе. Играла с виолончелистами и контрабасистами, с превосходным мастером скрипки Ириной Львовной Этигон.

Еще в одном классе, в котором я была пионервожатой, учился мой племянник, сын моего старшего брата, Игорь Маркович Тайманов, выдающийся пианист, ныне заведующий кафедрой общего фортепиано в Консерватории. Его дочь Кира тоже закончила нашу школу, а затем и Консерваторию по классу А. М. Сандлера, стала лауреатом многих международных конкурсов. Соучеником Игоря Марковича по десятилетке был Михаил Гантварг, о котором нет нужды говорить подробно, — скажу только, что, на мой взгляд, он был лучшим ректором Консерватории в течение четырех сложных для нее лет, поднял на себе самые трудные, узловы моменты — 150-летие Консерватории, начало реставрации ее исторического

Страница школьного альбома

здания и переезд в новое здание, и Министерство культуры бесцеремонно обошлось с этим замечательным человеком и музыкантом. В этом же классе учились Софья Ялышева, прелестная певица, прима Мариинского театра, Заслуженная артистка России и Народная артистка республики Татарстан, замечательный скрипач Михаил Безверхний, пианистки Дина Ройтберг и Наталия Арзуманова, а также сын музыковеда Софьи Хентовой, ныне доктор искусствоведения Владимир Гуревич.

Помню также маленького Валерия Гаврилина. Когда к нему кто-то подходил, то мне казалось, что этим в нем нарушалась некая молчаливая внутренняя гармония. А судьба его была непростой. Маленький мальчик приехал из Вологды один, без отца, а мать его в то время осудили: она работала в детском доме, и ее посадили за какое-то дело, в котором она не была виновата, так что Валерий фактически оказался сиротой. И каким же замечательным он стал музыкантом и композитором! Его, как и Сергея Баневича, учил основам композиции Сергей Яковлевич Вольфензон, который обучал и Григория Корчмара, ныне возглавляющего Союз композиторов.

Я очень благодарна своим учителям, сделавшим из меня пианистку. Когда позже я захотела стать еще и режиссером, многолетняя фортепианная практика мне очень помогла, потому что я могла без труда играть и партитуры, и клавиры, быстро знакомиться с ними, качественно работать с артистами. Однажды у меня даже был двухчасовой фортепианный концерт в Бостоне, с которым я смогла справиться только благодаря фортепианной школе, стоявшей у меня за плечами. И это после репетиции в абсолютно темном зале, в котором просто забыли включить свет! У меня была огромная программа, «от Баха до Успенского», включая получасовую балладу Грига, которую я выучила в классе С. И. Савшинского уже в Консерватории. Школа дала мне возможность, не занимаясь порой в течение нескольких лет на рояле, за несколько дней восстановить технику и беглость пальцев. Когда я поступила параллельно на режиссерский факультет, то не стало моего

учителя Самария Ильича, и был инфаркт у его ученика Виталия Маргулиса, также бывшего моим учителем. Я в течение трех лет не выходила на концертную эстраду, и когда наконец вышла на госэкзамен с Пятой партией Баха и сыграла пять тактов, то вдруг остановилась, увидев, сколько выдающихся пианистов — Голубовская, Разумовская, Логовинский, Перельман — собралось там, на балконе Малого зала Консерватории. И я подумала: что же я так волнуюсь? Какое мне до них дело? Сосредоточилась — и сыграла, получив свою отличную оценку. Ко мне за кулисы пришел уникальный музыкант и философ Натан Перельман, с которым мы потом пять лет снимали цикл передач «Беседы у рояля», приобщая простых зрителей к искусству фортепиано. И он спросил: «Ирочка, вы что, нас послали далеко-далеко?» Я удивилась: «Натан Ефимович, меня так не учили». Он ответил: «Вы так на нас посмотрели, что было ощущение, что все было именно так». Он правильно перевел мою основную мысль. Он же мне сказал: «Я видел много пианисток. Одни играли бы-

стро, другие — ловко. А вы играли интересно. Наверное, хорошо, что вы три года проучились на режиссерском факультете. Это дало вам совершенно иной взгляд на музыку». Я этот случай вспомнила к тому, что школа дает такой запас артистической прочности, профессионализма и энергетики, что даже когда ты растеряешься, то сможешь собраться и потом идти дальше.

Таким образом, через десятилетку прошло пять поколений нашей семьи, если считать смену поколений в 10–15 лет: мой отец, старший брат Марк, затем я, мой племянник Игорь и его дочь. Для меня неразрывная связь со школой означает, что это не просто место, где получают профессию, но школа жизни, которая научила меня всему — культуре, вкусу, поведению. Вся школа дышала звуками. Это был действительно мир, в котором у юного человека дыхание захватывает и внутри звучит песня, и она становится мелодией, сопровождающей всю его дальнейшую жизнь.

Записала Д. А. Варуль

Mariss JANSONS Lessons of friendship

Mariss Jansons, the conductor and 1962 school graduate, tells about his school years. Remembering his teachers and classmates Jansons focuses on a very special school atmosphere which provided a combination of adherence to principle, exactingness, goodwill and friendly support.

Keywords: M. Jansons, A. Jansons, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, students, teachers, V. T. Spivakov, S. M. Volkov, D. S. Goloshchekin, V. P. Afanasev, L. L. Rudova, R. I. Sereda, V. G. Shipulin, M. V. Shapiro, S. Ya. Volfenzon.

Марис ЯНСОНС Уроки дружбы

О своей учебе в специальной музыкальной школе Ленинградской консерватории рассказывает дирижер Марис Арвидович Янсонс, окончивший школу в 1962 году. Вспоминая об учителях и одноклассниках, М. А. Янсонс делает особый акцент на атмосфере, царившей в десятилетке: сочетании принципиальности и требовательного отношения к работе с доброжелательностью и дружеской поддержкой.

Ключевые слова: М. А. Янсонс, А. К. Янсонс, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, ученики, преподаватели, В. Т. Спиваков, С. М. Волков, Д. С. Голощекин, В. П. Афанасьев, Л. Л. Рудова, Р. И. Серeda, В. Г. Шипулин, М. В. Шапиро, С. Я. Вольфензон.

Владимир Дудин. *Марис Арвидович, какими были Ваши первые впечатления от школы-десятилетки, что особенно запомнилось?*

Марис Янсонс. Это был для меня довольно сложный период. В 15 лет, приехав в Ленинград из Риги, я пошел в десятилетку. Мне многое было непонятно, я плохо

знал русский язык и очень стеснялся, сильно комплексовал по этому поводу. Дома со мной занималась учительница, которая не только помогала с русским и литературой, но и объясняла задания по химии, географии, математике, потому что я просто не понимал многих слов. Я тщательно взялся за русский. В первом диктан-